

МЕДИА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

МАНИФЕСТ HANDMADE: ОДИН СЮЖЕТ О ПОВСЕДНЕВНОСТИ В СЕТИ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ

© Е. А. Иваненко

© М. А. Корецкая

© Е. В. Савенкова

Иваненко
Елена Анатольевна
администратор сайта
«Философская Самара»
Самарская
гуманитарная академия

Корецкая
Марина Александровна
кандидат философских наук
заведующая
кафедрой философии
Самарская
гуманитарная академия

Савенкова
Елена Владимировна
доцент кафедры философии
Самарская
гуманитарная академия

Статья посвящена проблематизации опыта тела в пространстве повседневности, в аспекте практик по созданию вещей своими руками, так называемых handmade-хобби. Вирусный рост популярности увлечения ремесленными хобби воспринимается как манифест, провозглашающий возвращение к непосредственному опыту телесности, преодоление вездесущих медиа и возможность присутствия один на один с вещами. Однако претензии творческих хобби на креативность и выход за пределы медиасреды могут быть поставлены под сомнение.

Ключевые слова: повседневность, тело, вещь, медиа, хобби, ремесло, симулякр.

«У вас иссякла фантазия? Вы мучаетесь, что подарить на праздники близким и не очень близким людям? Боитесь, что Ваш подарок не будет оригинальным? А может, Вы много слышали и читали о мыловарении дома, но не знаете, с чего начать и где купить все необходимое для этого? Наверняка, не знаете, чем же занять Вашего так быстро растущего и познающего мир ребенка? Мы придумали это за Вас! Ваш подарок будет не просто необычной ненужной вещью, а интересным и очень полезным. Вы подарите “идею”, “новое увлечение”, а может, и новый “стиль жизни” — приобщите человека к ежедневно увеличивающейся группе людей, заботящихся о своем здоровье. В условиях вечной нехватки времени и нежелания “бегать” по магазинам в поисках ингредиентов и оригинальных подарков, мы сделали наборы, в ко-

торых есть абсолютно все для варки мыла с подробной инструкцией по приготовлению. Если информация в инструкции будет неполной для Вас, зайдите в специальный раздел нашего сайта “Фото-Видео”, где размещен Видеоурок по технологии варения. Вам понравилась наша идея? Но пугает цена? Мы подумали и об этом!..»¹

Этот рекламный текст, случайно встреченный на одном из сайтов, посвященных мыловарению на дому, вполне может быть прочитан как манифест целого течения handmade-хобби, мощно захлестнувшего Рунет в последнее время. Мировые ресурсы Глобальной сети уже довольно давно изобилуют сайтами, предлагающими создать и продать произведения собственных рук, причем вариаций хобби такого типа существует невероятно много и количество вещей в стиле «сделай сам» неуклонно растет на волне какой-то необъяснимой популярности. Действительно, в приведенном фрагменте текста-манифеста мыловарение с легкостью могла бы заменить любая другая практика — например, фелтинг или квиллинг, скрапбукинг или декупаж, печворк, фриволите², батик, витраж, бисероплетение, макраме, оригами, каллиграфия, декорирование, флористика, ну или более привычные моделирование, резьба по дереву, вязание, шитье, лепка, вышивание и так далее.

Хотя хобби в целом подразумевает предельно широкий круг увлечений, в который входит практически любая человеческая деятельность от стихосложения до коллекционирования пуговиц, из всей этой пестрой и необъятной сферы здесь будут рассмотрены хобби типа handmade, которые, в отличие, например, от занятий спортом или разведения домашних животных, имеют на выходе некий вещественный продукт, несущий на себе в буквальном смысле отпечаток рук, его создавших. Специфика хобби такого типа состоит в том, что в произведенной вещи упаковывается опыт тела, как бы консервируясь в ней, чтобы быть извлеченным при случае. Привлекательность мыла, изготовленного своими руками, заключается, возможно, в том, что в цифровой век любой контакт с телом приобретает специфическую ценность — особенно высокую, если это мыло изготовлено собственными руками, или несколько меньшую, но, тем не менее, значительную, если оно куплено у другого «рукошленника». Как заявил один мыловар в своем блоге, «единожды попробовав мое мыло, вы не захотите, чтобы вашего тела касалось какое-либо другое», — здесь в рамках маркетингового хода наблюдается декларирование не только наличия «моего» опыта тела в данном куске мыла, но и ценность его максимально интимного прикосновения к телу покупателя. Иными словами, продается прикосновение тела к телу, опосредованное тающей мыльной субстанцией.

¹ Мыло своими руками. URL: http://www.mysoap.ru/create_soap.php (дата обращения: 20.01.11)

² Фелтинг — валяние из шерсти, квиллинг — поделки из скрученной бумаги, скрапбукинг — коллажное оформление фотографии, декупаж — техника декорирования поверхностей аппликациями, патчворк — шитье из лоскутков, фриволите — плетение из узелков.

Эта одержимость теплотой человеческого прикосновения, широко взятого от квазиэротического до чисто дружеского, справедлива для всего спектра рукошленных вещей — всех этих валяных фигурок, расписных шкатулочек, домотканых ковров, вязаных салфеток, открыток и так далее.

Это массовое увлечение производством вещей не продиктовано практической необходимостью — эпоха всеобщего дефицита миновала давно и на смену ей пришел век товарного изобилия. Чем же тогда вызвана потребность в создании вещей своими руками? Ответ напрашивается сам собой — именно переизбыток готового, агрессивный и всеобъемлющий поток товаров, захлестывающий яркой пластиковой массой повседневное пространство, толкает если и не на прямой побег из глобального супермаркета, то, по крайней мере, на протест против отчужденного потребления. Пассивное потребление слишком быстро стало пресыщать — порог чувствительности современного потребителя³ снизился настолько, что в купленной вещи он больше не чувствует саму вещь, а интенсивность и длительность удовольствия от приобретения стали уж слишком незначительными. В результате — захламление жилого пространства горами ненужных покупок, обмен типовыми подарками⁴ и... Скука. Handmade как хобби в каком-то смысле возникает в русле сопротивления шопоголии как попытка прагматически вернуться «назад к вещам». Здесь видна также интенция возратить себе права на креативность — фронт handmade в войне против отчужденного потребления использует стратегии созидания и творчества. По крайней мере, на первый взгляд. Уж очень много Мастеров сегодня, уж очень легко им дается Мастерство. То, на что раньше уходили годы и десятилетия ученичества, теперь осваивается с лету по инструкции.

В движении handmade прочитывается еще один вектор протеста — против отчуждения собственного тела. Действительно, культура кнопки, характерная для цивилизации мегаполиса, сузила пространство телесной моторики до предела. Страх утраты сложных и тонких телесных навыков (отмирающих по причине невостребованности в современном мире огромного количества практик, наработанных за многовековую историю европейской цивилизации), а также тоска по опыту инвестиции собственного тела в вещь являются двигателями популяризации handmade-хобби. Обеспокоенность судьбой рукоделий связана также с широко известным ныне

³ Современная тенденция отхода от пассивного потребления в сторону активного вмешательства потребителя в сам процесс производства продукта, что находит выражение в практическом сращении профессионализма и любительства, подробно рассмотрена Натальей Соколовой на материале популярной культуры Web 2.0 (см.: Соколова Н. Л. Популярная культура Web 2.0: к картографии современного медиаландшафта. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2009).

⁴ Практика обмена дарами породила целую дискуссию, в которую были включены такие имена, как М. Мосс, К. Леви-Стросс, П. Бурдьё и Ж. Бодрийяр. В любом случае, все перечисленные авторы сходились на том, что смысл обмена дарами состоит в установлении и поддержании социальных связей. В этом контексте показателен акцент поклонников современного рукошленства на особой ценности подарков, созданных своими руками.

антропологическим тезисом, вызревшим некогда в сфере педагогики⁵: мелкая моторика рук напрямую связана с развитием речи и интеллекта. Не случайно столько внимания уделяется небезызвестным «пальчиковым играм», когда речь идет о формировании и коррекции ключевых навыков даже у самых маленьких детей.

Подойдем к той же теме с другой стороны, оттолкнувшись от того очевидного факта, что не только работа, но и отдых, и развлечения в информационную эпоху практически полностью погружены в медиасреду. В этой ситуации многочисленные хобби, связанные с телесной активностью — например, такие как танцы, йога, паркур, джолитджампинг, дайвинг, рафтинг, кейтинг и многое-многое другое, — как раз и должны обеспечить возвращение к обладанию собственным телом как живым и активным, отцепив его хотя бы на время от монитора и экрана телевизора. Handmade-хобби отлично встраиваются в эту тенденцию. Желание почувствовать свою телесность и побыть вне вездесущих медиа ближайшим образом выражается в стремлении сделать что-то своими руками, соблазняя возможностью присутствия один на один с вещами.

Исходя из всего вышесказанного, может появиться ощущение, что handmade-хобби, возникая на гребне могучей волны сопротивления, способно преодолеть ситуацию отчуждения и вернуть нас к опыту общения с вещью, своим телом и, в конечном счете, с миром напрямую без посредства пластиковой упаковки. Логика создания всего своими руками заманивает тем, что на выходе обещает нам уникальную вещь плюс уникальный телесный опыт. Вспомним чрезмерно позитивное воззвание, приведенное в самом начале: «Вы подарите “идею”, “новое увлечение”, а может и новый “стиль жизни”». Однако не слишком ли это похоже на очередной маркетинговый ход? Разделим сомнения Ж. Бодрийяра, сказавшего, что сегодня любая революция отстает, по крайней мере, на одну войну⁶. Иными словами, борьба с симуляциями неуловимым образом порождает очередную симуляцию, что делает культуру симулякра непобедимой. Наша задача, начав с банального тезиса о тотальности медиасреды и отсутствии результативных стратегий сопротивления (все равно ассимилируется практически что угодно, с неизбежностью приобретая медиаразмерность), попытаться проблематизировать включенность тела в пространство медиа в некоторых новых аспектах, исследуя сюжет популярности handmade-хобби.

Обычно под хобби понимается некий вид любительской деятельности, разновидность развлечения, некое дело, которым регулярно занимаются в свободное время, так сказать, для души. Хобби может быть хоро-

⁵ Онтогенетическая взаимозависимость развития мелкой моторики и речи подробно исследована целым рядом отечественных психологов. В частности, у М. М. Кольцовой можно прочесть, что «морфологическое и функциональное формирование речевых областей совершается под влиянием кинестетических импульсов от мускулатуры рук» (см.: *Кольцова, М. М.* Двигательная активность и развитие функций мозга ребенка. М.: Педагогика, 1973. С. 130).

⁶ *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 213.

шим способом борьбы с заевшим всех стрессом, не говоря о том, что оно, как, во всяком случае, считается, помогает развить кругозор, расширить круг друзей и самореализоваться. По большому счету, хобби — это то, что заполняет свободное время, сообщая ему тем самым смысл. Если учесть, что свободное время возникает как антоним ко времени рабочему, то можно отметить, во-первых, однозначную связь этой практики с массовой культурой, а во-вторых, ее зависимость от режима индустриального и постиндустриального производства. Иными словами, в обществах традиционного типа время никогда не свободно в том плане, что подчиняется определенным размерностям и все занято практиками мироустройства. Говоря образно, у Ксеркса не было свободного времени потому, что у него не было времени рабочей занятости. Аналогичным образом всевозможные причуды дворянского сословия, такие как охота, собаки, цыгане, игра на фортепьянах, салонные вечера и бесконечные пасьянсы, будучи досужными, не могут быть названы хобби, несмотря на некоторое внешнее сходство. Ведь здесь нет ни смены субъекта, ни, самое главное, потребительского отношения и связанного с ним временного графика. Даже знаменитое римское различие на *otium* и *negotium* (отдых и дело), так на первый взгляд похожее на современное различие личного времени и времени труда, по сути совершенно иначе ставит акценты. Вторичным (отрицательным существительным) оказывается именно *negotium* — дело, занятость, работа, а *otium* — отдых с достоинством и почетом, покой — сам по себе самодостаточен и аристократичен⁷. Логика, совершенно не доступная для современного человека, который понимает свободное время по аналогии со свободной кассой в сети быстрого питания — как люфт для переключения на новый поток активности. Необратимая трансформация, произошедшая с жителями мегаполисов, превратила их в вечно подвижных акул потребления — остановка равносильна гибели и невозможна уже на физиологическом уровне. Аристократический покой как способ расположения во времени сегодня практически не достижим. Кстати говоря, пресловутая фигура Обломова демонстрирует стык буржуазной и барской ментальности — его постоянно стремятся занять близкие, сам же он длит свое инертное состояние незанятости равномерно, прямолинейно и последовательно, что, согласно определению, и является покоем. Обломов со своей барской темпоральностью в суетный индустриальный век выглядит не просто неуместно, но даже как-то непристойно, оттого-то все вокруг него так обеспокоены его покоем.

⁷ Как пишет А. Я. Гуревич: «В античности труд не считался добродетелью и неотъемлемым атрибутом жизни: человек был *homo politicus* по преимуществу. Позднеантичная цивилизация не признавала высокого достоинства физического труда. Термин *negotium* (“дело”, “занятие”, “труд”) имел также значение “досада”, “неприятность”; это слово было производным от *otium* (“досуг”, “покой”, “спокойная жизнь”) и выражало отрицание этого понятия» (*Гуревич А. Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. С. 36).

Набрасываем вчерне генеалогию свободного времени⁸ как понятия и как практики. Английское слово *leisure* происходит от латинского *licere*, что, собственно, и означает «быть свободным». Этот термин впервые появился в начале XIV века вместе с мануфактурами, а широкое распространение получил позже, во времена индустриальной революции, когда рабочие на фабриках должны были работать по восемнадцать часов в сутки, освобождаясь от труда только по воскресеньям. Можно сказать, что выходной день был предоставлен исходя из соображений наиболее эффективного использования трудовой рабочей силы, которая должна была восстановиться в результате так называемой рекреационной деятельности. Сюда, правда, попадали самые разные социальные практики, начиная с посещения церкви и заканчивая походом в паб. С уменьшением длительности рабочего дня система свободного и трудового времени несколько уравновесилась, и в результате возникла троичная темпоральная структура: трудовое время, необходимое свободное время (рекреационное), свободное время в собственном смысле слова. В итоге, благодаря К. Марксу, под свободным временем стали понимать «такое время, которое не поглощается непосредственно производительным трудом, а остается свободным для удовольствий, для досуга, в результате чего откроется простор для свободной деятельности и развития»⁹. Маркс даже утверждал, что «время, которым можно располагать, есть само богатство», и, пропагандируя

⁸ Стоит отметить, что большинство исследователей встраивает понятие хобби в более широкое понятие досуга, а под досугом, или свободным временем (кстати, в западной социологии это практически одно и то же), понимают время, свободное от оплаченного труда и непреложных обязанностей (ухода за собой и окружающими). Современный досуг со всеми его модификациями, производными от характера социальных групп, рассматривается как досуг нового типа, то есть как продукт индустриализма и урбанизации. В рамках социологии можно выделить отдельное направление, получившее название «социология свободного времени» и связанное, прежде всего, с работой Веблена «Теория праздного класса». Эмпирические исследования досуга начались уже в 20–30-е годы XX века (именно в это время был введен восьмичасовой рабочий день, сорокачасовая рабочая неделя и двухнедельные отпуска). Поток исследований досуга нарастал после Второй мировой войны: появились обобщающие, сегодня уже классические в этой области работы типа «Досуг в Америке» М. Каплана (1960), «Досуг» К. Робертса (1970), «Досуг и общество в Британии» М. А. Смита (1973) и др. Окончательное формирование социологии свободного времени как самостоятельной отрасли социологической науки связано с «Социологией досуга» С. Р. Паркера (1976) и «Эмпирической социологией досуга» Дюмазедье (1974). Дюмазедье в рамках концепции постиндустриального общества потребления предложил идею «цивилизации досуга», согласно которой досуг, начиная с некоторого уровня экономического развития, приобретает все большую автономию от труда и становится самодовлеющей ценностью. Западными социологами предлагается также концепция «революции избираемого времени», согласно которой общество должно изменить характер использования и рабочего, и свободного времени.

⁹ Маркс К. Капитал. Том 4. Часть 3. Теория прибавочной стоимости. Глава 21. URL: http://www.fekm.ru/book_view.jsp?idn=022309&page=240&format=html (дата обращения: 12. 02. 2011).

необходимость свободного времени для рабочего класса, он надеялся, что оно будет основным условием преодоления отчуждения. Но вместо того, чтобы разрядить обстановку, оно быстро становится новой проблемой. Его незаполненность, возникшая в результате культурных трансформаций, когда выходной воскресный день уже вышел из-под контроля церкви, но так и не попал в поле высокой культуры, создавала потенциальную опасность возникновения очагов избыточной агрессии. Маркс и не думал, что свободное время станет главным рычагом манипуляции; он полагал, что в нерабочее время индивид будет принадлежать себе. Но сам индивид решил, что он будет принадлежать своим удовольствиям, а индустрия развлечений, возникшая как отклик на молчаливую тоску незанятости, решила, что он отныне и во веки веков будет принадлежать ей. Так важнейшим из искусств, как известно, стало кино, а лагуна свободного времени затянулась болотом массовой культуры. В постиндустриальную эпоху чаша весов темпоральности качнулась еще раз, и свободное время устойчиво стало перевешивать, в результате чего возникла проблема поиска неиссякающих ресурсов его заполнения. Отсюда стартует постиндустриальная тяга к новым — непременно элитарным, эксклюзивным, индивидуальным — типам развлечения, куда укладываются новообразовавшиеся виды хобби, задействующие весьма значительные культурные агрегаты и требующие подчас не только солидных финансовых инвестиций, но и больших временных затрат. Сегодня у обывателя вполне может сложиться впечатление, что он всю жизнь только и делает, что развлекается — или, во всяком случае, должен развлекаться, и именно для этого он и претерпевает свою работу. И даже то рабочее время, которое трансформировалось во время офисной «отсидачки», зачастую занято все теми же развлечениями, создавая иллюзию собственности на досуг. Однако до античной автаркии досуга здесь по-прежнему далеко: хобби, будучи продуктом беспокойства по поводу незанятого рабочей времени, носит явно плебейский характер вне зависимости от того, менеджер какого звена клеит своими руками декупаж с позолотой.

Приглядимся повнимательнее к самому механизму, обеспечивающему сегодня популярность так называемым творческим хобби. Во-первых, стоит отметить императив развлекательного отношения к любому делу — будь то искусство каллиграфии или плетение из лозы. Закономерно, что в стройные ряды современных увлечений попали исключительно те ремесла, из которых оказалось возможным устранить все долгосрочные, тяжелые, опасные процессы, оставив только то, что может быть освоено легко и беззаботно любым новичком при условии пошагового следования инструкции. Тогда как, например, ювелирное дело, требующее плавки металла и огранки камней, или стеклодувное ремесло, основанное на взаимодействии с высокими температурами, и им подобные занятия остались за бортом логики любительства. Сегодня никто не перетирает пигменты для краски, не прядет нить для вышивания, не сублимирует ароматы для парфюмерных композиций. В русле handmade-хобби остаются только те ремесленные навыки, которые продаются и покупаются легко, то есть сами по себе доступны для потребителя в качестве полуфабрикатов.

Легкость, с которой в наше время осваивается мастерство, традиционным бывшее сложным, парадоксальным образом основывается на сложном аппарате медийных опосредований. Действительно, обо всем многообразии рукоделий можно узнать только из медиаисточников: журналов, телевидения, но прежде всего из сети Интернет. Но не только стартовые сведения о том или ином ремесле размещаются в сети — прежде всего, целевые интернет-сообщества, посвященные конкретному рукоделию или — шире — handmade-хобби как таковому, существуют ради публикации собственных произведений. В основном это мастер-классы по освоению специфической техники либо изготовлению конкретной вещи. Не говоря уж о том, что сетевые ресурсы работают витриной, где каждый выставляет на всеобщее обозрение и продает свои нетленные творения. Практика handmade начинается и заканчивается в сети; потому неудивительно, что рост популярности хобби совпал с вирулентным распространением интерактивных сетевых ресурсов как специфических форм коммуникации. Таким образом, фигура любителя совпадает с фигурой пользователя — в конечном счете, занятия ремеслом сводятся к бесконечной полировке медиавитрины: наращивается количество и качество фотографий работ, публикуются развернутые авторские уроки, приобретает сетевая известность. Количество словесного флейма, обрамляющего эту самую известность, позволяет предположить, что ради нее все и затевается в конечном счете; наверняка можно утверждать, что статус Мастера в том или ином деле приобретает именно благодаря сетевым ресурсам. Здесь трудно расставить приоритеты — то ли сеть является способом трансляции ноу-хау, то ли хобби — всего лишь коммуникативный повод. Бесконечная виртуальная витрина с ее сочными заманчивыми образами разжигает столь же бесконечный аппетит — отсюда распространенная практика серфинга по видам хобби в поисках того Дела, которое захватит целиком и без остатка. Налицо своеобразное испытание границ собственного тела — пользователю лишний раз на досуге любопытно убедиться в том, что отсутствует черта, за которой заканчиваются его возможности. Лабиринт виртуального потребления устроен так, что по траекториям желания можно скользить невообразимо долго, меняя не только объект желания, но и его агента, расплывая себя, словно грибные споры, по питательному субстрату медиасреды. Так возникают многочисленные и многолюдные виртуальные цеха Мастеров, где под разными никами репрезентируют себя одни и те же люди, подавая свои умения под разными соусами.

Виртуальные кланы умельцев и «золотых рук» напоминают своей незримой сплоченностью, деловитостью и ритуализованностью правил средневековые цеха мастеров. Можно, конечно, проследить линию последовательной исторической преемственности от архаического ремесла к handmade-хобби напрямую, но в данной статье основной интерес приходится не на историю развития ремесел, а на специфику различных практик создания вещи вручную, поэтому здесь будет кратко рассмотрено взаимоотношение вещи и тела в пространстве архаических хозяйственных практик, средневековых цеховых ремесел и кружков индустриальной эпохи.

Ремесло Средних веков и архаики носило, если можно так выразиться, демиургический характер. Исходно в рамках архаического натурального хозяйства быть хозяином своего дома означало уметь создавать собственноручно необходимую утварь. Всякий раз изготовление вещи запускало единственный механизм, воспроизводящий создание первопредком конкретного предмета обихода¹⁰ — Кувшина, Ножа, Прялки. Потому каждая вещь в хозяйстве знала свое место, совпадала с ним и принципиально не могла быть лишней. Сама практика при всей своей утилитарности носила сакральный характер — пряжа буквально была Макошью, свивающей нити для холста так, как будто это нити судьбы. Помимо бытовых навыков довольно рано складываются и выделяются профессиональные типы ремесла — прежде всего, кузнечное дело. В дальнейшем медленно, но неуклонно профессионализация расширяется, что, в конечном счете, приводит к возникновению ремесленных корпораций¹¹. Со специализацией формируется *техне* как категория, и в рамках логики обмена у вещей возникает некий общий эквивалент, отчуждающий и фиксирующий их ценность, не затрагивая при этом их место в миропорядке. Специфика архаических ремесел, в отличие от современных handmade-хобби, состояла в полном отсутствии факультативности: не было выбора, как делать вещь — вручную или нет и по каким технологиям. Пряли или ковали не от нечего делать и не в свободное от работы время. Каждая вещь была индивидуальна в силу того, что иначе и быть не могло. Потому вещей было мало и они не занимали пространство, а напротив, его организовывали и не создавали проблемы утилизации. Выбрасывалось только то, что истратилось полностью и бесповоротно. И уж тем более вещь не могла надоесть, не могла выйти из моды — чем дольше она служила (хранилась), тем лучше она удерживала на себе вес памяти рода.

Что касается цехового ремесла, здесь стоит отметить следующее. Ремесленные корпорации основывались на системе «мастер-подмастерье», причем время ученичества длилось десятилетиями, да и то не всякого брали в ученики — все ремесленные процессы были окутаны тайной, секреты невозможно было купить, как сегодня, выбрав соответствующий набор с инструкцией; секреты передавались только доверенным людям на основании устоявшихся конвенциональных мотиваций. Приобретенный в итоге статус Мастера (что, кстати, не следовало с необходимостью из ученичества) закреплялся пожизненно после процедуры сложно организованной инициации. В мастерство действительно, а не метафорически вращались всем существом. Мастер знал — причем даже не умом, а собствен-

¹⁰ Космогоническую подоплеку даже простых хозяйственных практик в архаических культурах прекрасно эксплицировал Мирча Элиаде, в частности, во второй главе «Магическая значимость мифов о происхождении мира» работы «Аспекты мифа» (см.: Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Инвест-ППП, СТ-ППП, 1996. С. 38—47).

¹¹ О трудном и неоднозначном процессе формирования профессиональных ремесел в Средние века (см.: Гофф, Ж. Ле. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002).

ным телом — весь технологический процесс от сбора и обработки сырья до финальной отделки. Потому и обучение, передача секретов носила не столько дискурсивный, сколько остенсивный характер. Система распознавания профессионального языка тела имела и обратную связь, благодаря которой мастер всегда мог, взглянув, к примеру, на то, какими движениями и в каком ритме подмастерье размешивает в чане краситель, понять, что получится в результате.

Здесь не было места любительству, поскольку в этом пространстве техне мастерство требовало инвестиции всей жизни без остатка, а ремесло совпадало с телом и судьбой, причем не только индивида, но и семьи (имеется в виду наследственный характер профессии). Невозможно, да и не нужно было менять род деятельности, искать себя и пытаться реализоваться как личность, что справедливо для хобби. Шедевр, который должен был создать экс-ученик, чтобы подтвердить свой статус Мастера, и нетленка, которая публикуется в сети как демонстрация своего умения, имеют совершенно разный вес, и дело тут не в разнице техник исполнения или качестве вещи, а в степени инвестиций собственного тела и степени риска ожиданий. Тот, кто делает поделку в качестве времяпрепровождения, даже если он демонстрирует результат широкой публике, ничем особо не рискует — кому-нибудь артефакт непременно понравится. Коллегиальное решение о статусе поделки в данном случае не важно. Вещь хобби-класса заведомо стоит за рамками строгих суждений, она подчиняется законам странной бытовой эстетики, руководствующейся известным принципом: на вкус и цвет товарища нет. Медиа-цех не знает также системы подмастерий: в пространстве медиа-ремесел роль помощников делегируется индустрии, с той немалой разницей, что подмастерья ремесленных гильдий своим тяжким многолетним трудом оплачивали свое обучение, тогда как индустрия, обслуживающая handmade, сама не щучно вытягивает денежные средства из своих Мастеров. Еще более любопытен механизм обольщения, задействованный индустрией по отношению к своим потребителям, — тебе сразу, в обход статуса ученика, присваивается почетное звание Мастера, пусть еще и начинающего. Телесная цена современного handmade-хобби очевидно ниже, чем у ремесла, и носит иной характер¹² — это не жертва, не смирение, не суровая плата, а гламурный уход за собственным телом. Можно, конечно, и обжечься, и уколоться, и даже сломать накладной ноготь, но это как раз те самые глянцево-шрамы, которые украшают настоящую мастерицу. Действительно, сегодня никто не может пострадать за свое мастерство, как, на-

¹² Можно, например, сравнить легкое изящество современного ремесла и тяжелый, почти каторжный труд мастера Средневековья. Тема тяжелого труда нашла свое отражение даже в многочисленных сказках, в частности, в сказке братьев Гримм «Три пряжи» появляются три старухи весьма inferнального вида, заплатившие за свое поразительное мастерство серьезную цену: «у одной нога широкая-преширокая и приплюснутая, у другой нижняя губа такая большая, что на подбородок отвисла, а у третьей большой палец на руке огромный» (Сказки братьев Гримм. М., 1985).

пример, магистр Гануш, который, согласно легенде, создал знаменитые часы на пражской ратуше, после чего благодарные горожане ослепили его, чтобы он не вздумал изготовить такую же диковину для какого-нибудь другого города.

Поскольку в итоге между handmade-хобби и цеховым ремеслом наметилось скорее больше различий, чем сходств, попробуем приглядеться к другой практике handmade, типологически более близкой к современному хобби, — к так называемым кружкам, бытовавшим (причем не только в СССР) в индустриальную эпоху. Всем знакомые с советских времен кружки вышивания и макраме, кройки и шитья, чеканки и моделирования странным образом сочетают логику избыточности и дефицита. Домашнее производство вещей вручную в подавляющем большинстве уступало по качеству машинному производству, но, тем не менее, осуществлялось под давлением элементарного недостатка предметов обихода. Практики «сделай сам» индустриального периода — а их уже вполне можно назвать хобби — подчиняются жесткой логике экономии и реутилизации. Вещи в рамках этой практики разлагались на элементы и пересобирались заново раз за разом, как бы приобретая новую жизнь. Так, петчворк как стиль возник благодаря необходимости освоить объемы прабабушкиных тряпочек, объединяя и дисциплинируя их общей строгой формой вождя одеяла. А странные и подчас неидентифицируемые образчики макраме, кочевавшие из квартиры в квартиру, утилизировали упаковочную бечевку, превращая ее в шитые для закрывания потертостей на обоях. Перетасовывание рукомерленных вещей было следствием замороженной диалектики дефицита и хлама, где каждый отдельный предмет за время своего существования в руках умелой хозяйки оказывался то тезисом, то анти-тезисом, то неожиданным синтезом. На этом фоне неудивителен негативный оттенок «самодеятельности», свойственный таким вещам, и общая атмосфера неуютности и неловкости в доме, где болтается слишком большое количество самоделок. По логике хозяев такие вещи должны были создавать уют, маскируя унылую серийность советских типовых квартир и предметов обихода, но на деле убогая сторона неприкаянного быта, лишенного традиционных правил миропорядка, постоянно выпирала, подчеркивая отсутствие и уюта, и индивидуального стиля. Современные хобби принципиально основываются на другом — для создания вещи используются преимущественно *новые* элементы: покупаются готовые наборы, ингредиенты, детали (зачастую искусственно состаренные). Сегодня нет диктатуры дефицита и экономии, и на приобретение составляющих для изготовления какой-либо вещи можно вполне потратить больше денег, нежели на покупку аналогичного готового предмета. Handmade-хобби производит вещицы, которые маскируют уже не дырки на обоях, но прорехи в полотне социальных амбиций. Странники рукомерленных увлечений, как правило, претендуют на принадлежность к особой касте хозяев собственного времени, людей, которые могут себе позволить разнообразное любительство со всей его избыточностью и необязательностью. Соблазнительная наживка креативности, так умело спрятанная в каждом наборе «сде-

лай сам», заглатывается легко и жадно именно благодаря недостатку и недостижимости этой самой креативности в повседневной жизни потребителя. Действительно, структура потребления подразумевает только выбор из предложенного, пусть и бесконечно широкого, ассортимента; невозможно зайти за кулисы супермаркета по той простой причине, что хотя витрины и похожи на некий блистательный показ, но кулис у этого театра нет. Ностальгия по космогоническим практикам трактуется массовой культурой как утонченная потребность личности в саморазвитии, и ее сила используется для наращивания потребительской мощи, сметающей с полок все, что хоть как-то обещает гармонию миропорядка. Интересно, что практика залатывания вручную прорех в собственном мировосприятии нерезультативна, а потому сама по себе работает вхолостую, производя, правда, по своему поводу очень много шумов, к которым можно отнести и гигантские слои сетевой коммуникации.

Собственно, коммуникативная задача ставилась и в таком типе микросообществ, как кружки. Само название говорит о том, что это некий круг, возникающий ради совместного практикования одного и того же занятия. Эта коммуникация вынужденно носила локальный характер, жестко регламентированный в пространстве и времени — люди могли собираться в определенный час после работы именно потому, что график занятости в индустриальном обществе был примерно одинаков. Местом сборов, как правило, являлись переоборудованные квартиры или пресловутые Дворцы культуры. Сетевые проекты отчасти подражают топологии кружков, но выводят ее на качественно новый уровень нелокальной коммуникации, не привязанной ни к конкретному времени, ни к определенному пространству. Handmade-хобби, равно как и коммуникативный шлейф вокруг них, существуют всегда и везде; в том числе это означает, что они пребывают и в частном, и в публичном пространстве одновременно.

Итак, мы вкратце рассмотрели сходства и различия практики handmade-хобби и близких ей ремесленных практик. Но очевидно, что идеология handmade, помимо претензии на мастерство техне, выдвигает еще одну, не менее явную претензию на поийесис, творчество, креативность. Поскольку творчество принято относить к юрисдикции искусства, то напрашивается вопрос о том, может ли продукт хобби-класса претендовать на статус художественного произведения? Вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд: с одной стороны, сразу понятно, что вышитые котятки, как бы они ни были «прекрасны», не относятся к образчикам искусства, с другой стороны, нельзя с легкостью сбросить со счетов весь тот пафос креативности, который пронизывает порой действительно очень тонко и с большим вкусом выполненные вещи. Не говоря уж о том, что вообще сложно провести границы между искусством в собственном смысле слова, «наивным» искусством, художественными промыслами и любительским творчеством, характерным для handmade-хобби. Не рискуя погружаться в данной статье в извечный вопрос о сущности искусства как такового, попробуем наметить микроразличия на уровне практик.

Искусство, будь то возвышенное искусство классического периода или маргинальные опыты постсовременности, в отличие от ремесла, претендует на создание уникальных произведений. Они, в свою очередь, могут быть включены в тематические циклы, но цикличность сама по себе не определяет их природы. В то время как творческие хобби так или иначе воспроизводят, пусть и всякий раз с индивидуальными отличиями, некий шаблон и принципиально нацелены на создание серий. Разумеется, речь не идет о том, что знаменитые работы Энди Уорхолла — поделки вроде декупажа. Ведь именно творческая рефлексия над принципом серийности и делает Уорхолла собственно художником. В то время как творческие хобби прекрасно обходятся без всякой художественной рефлексии, и в этом смысле они наивны. Каждая поделка просто повторяет какую-нибудь другую, но при этом все они остаются одинаково оригинальными — именно поэтому нет ни копий, ни подделок, все это сплошная *авторская работа*. В этом отношении хобби скорее сближается с ремеслом и народным творчеством, воспроизводящим раз за разом сформировавшийся паттерн. Например, имя самостийного народного промысла, которое, как правило, завязано на топоним, — палех, хохлома или гжель, городецкая или жбанниковская игрушка — опережает имя художника, каким бы известным он ни был, и это отличает прикладное искусство от сферы так называемого искусства высокого, где имя всегда опережает технику. В случае с хобби имя автора никогда не преодолевает границ техники. При этом само хобби лишено практического всех топологических привязок, поскольку оно является продуктом глобализации. «Американскость» скрапбукинга или «русскость» валяния сохраняется только как рудимент для придания особого лоска и гламурности.

И для создания произведения искусства, и для его последующего прочтения важно наличие сложного символического языка, в то время как хобби оперирует не символической, но знаковой системой. Набор знаков, буквально размещенный на поделке, призван транслировать совершенно недвусмысленное послание, которое способен опознать любой, у кого есть опыт повседневности, — то есть вообще каждый и всякий. Именно поэтому здесь и нет почвы для суждений вкуса. В то время как, согласимся здесь с Хайдеггером, «если бы нам сейчас были показаны в оригинале две картины Пауля Клее, созданные им в год его смерти: акварель «Святая из окна» и, темперой на дереве, «Смерть и огонь», то мы могли бы долго простоять перед ними и — расстаться со всякой претензией на непосредственное понимание»¹³. Символика художественного произведения — это всегда *отсылка* к смыслу, а не он сам; именно поэтому здесь открывается поле для бесконечных интерпретаций. В то время как рукодельная вещь не может позволить себе мерцание смысла хотя бы по той простой причине, что ей зачастую уготована судьба товара, а всякое там смысловое мерцание дурно сказывается на маркетинговой политике.

¹³ Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 391.

Однако большинство адептов творческих хобби не согласятся с тезисом о том, что их произведениям никогда не видать земли обетованной настоящего искусства. Исходный и заключительный посыл сотворения подделки вполне описывается в терминах творческого экстаза, полета воображения, мук творчества, валов вдохновения, созидания *чего-то из ничего*. Но к таким заявлениям посторонний наблюдатель всегда относится хотя и с пониманием, но никогда не всерьез. Это, конечно, следствие того, что творчество здесь проходит под грифом развлечения и нацелено на гарантированный результат: так сказать, немного терпения, и у вас все обязательно получится! Искусство, напротив, как известно, требовало всей жизни целиком и никогда не давало никаких гарантий. Нота несерьезности, характерная для хобби в целом, сказывается и в том, что рукотворенные предметы, улавливая и транслируя опыт некоей телесности, никогда не имеют дела с чем-то, выходящим за рамки повседневного и обыденного: стоит вышить крестиком что-нибудь «трансгрессивное» — и экзистенциального надрыва как не бывало! Потому классика handmade-хобби — сплошной позитив в ярких красках и радостных образах.

Благодаря этой жизнерадостности, большинство вещей в духе handmade используется сегодня для декорирования жилого пространства, и это совпадение не случайно. Двигаясь в том же русле, что и декоративное направление ар-нуво, handmade-хобби несут, так сказать, красоту народу, делая ее доступной вне зависимости от социального статуса и достатка. Успех и невероятный потенциал жизнеспособности декора в стиле модерн заключался в возможности свободного комбинирования готовых элементов, несущих на себе легкую непритязательно сентиментальную эстетику, что делало возможным быстрое и при этом завершенное оформление любого пространства. Аналогичным образом завязанные на принципе декорирования handmade-хобби, несмотря на свою легкость и игрушечность, тем не менее, оказывают значительное влияние на телесные практики в целом, наделяя тело неустранимыми спецификациями и превращая его в *тело декорирующее*. Для декорирующего тела характерно особое отношение к пространству как к полю чистой комбинаторики. Всепроникающий декор размечает сетку пространственных координат и тут же заполняет сегменты. Взаимозаменяемые элементы декора оставляют возможность для творчества как перекомбинирования, создания многообразия вариаций, но полностью исключают пустоту — то самое ничто, с которого, если верить Книге Бытия, и начинается творение. Именно поэтому в поле существования и функционирования тела декорирующего понятие гениальности отсутствует за ненадобностью, уступая место мастерству, которое продается и покупается. Постинформационная эпоха резко расширила возможности декорирующего тела, подарив ему поле кибернетического, цифрового, виртуального пространства. Здесь мастерство комбинирования обрело не только размах, но и подлинную бесконечность, а современные рукотворенные хобби заняли свою нишу и более немалыми без медиасреды.

Такая структура — тело, включенное в вещь и упакованное в яркую обертку медиа, — характерна для всей сферы handmade-хобби. Попробуем на конкретном примере скрапбукинга проследить некоторые принципиальные моменты этой структуры. Стоит отметить, что любая практика handmade-хобби предполагает консервирование личного опыта декорирующего тела, но скрапбукинг представляет собой еще и любопытное удвоение, делая эту практику собственной темой.

Скрапбукинг в своей предыстории восходит к традиции XVI века собирать поэмы, цитаты и собственные наблюдения и вклеивать их в обычные книги. В поле такой книги втягивались также посторонние предметы — локоны, засохшие цветы, ленты. В каком-то смысле, дамские альбомы пушкинских времен также являются предшественниками скрапбукинга — в них тоже актуализуется попытка схватывания частного опыта и сентиментального настроения. Но подлинный расцвет скрапбукинга совпадает с рождением эпохи фотографии, когда появилась возможность фиксировать личный опыт на качественно новом уровне, как бы предоставляя документальное доказательство подлинности своей истории. В 1980 году семья Кристенсен из штата Юта выставила напоказ несколько десятков фотоальбомов, посвященных истории своей семьи. Выставка имела успех и породила живой интерес, что и сподвигло семейство Кристенсен написать книгу об искусстве скрапбукинга под названием «Ожившие воспоминания». Следующим этапом было основание семейного бизнеса, а именно — магазина для любителей оживлять свои воспоминания. И уже в середине девяностых они создали сайт, через который можно было заказывать товары для изготовления скрап-альбомов. На данный момент скрапбукинг — это один из самых распространенных типов хобби среди американских женщин и не только среди них, оборот индустрии по которому за последние пару десятков лет составил более двух миллиардов долларов. Основой успеха стала четкая интуиция, что всем и каждому будет приятно не только удержать свой личный опыт, но еще и декорировать его, придав ему статус особо значимого события.

Действительно, само название *скрапбукинг* — это калька с английского *scrapbooking*, где слово *scrap* означает *вырезка, выхватывание*, что в каком-то смысле роднит *scrap* со средневековым *conceptus*. Скрапбукинг всеяден — в поле коллажа втягивается не только фото, но и всевозможные предметы и субстанции — чернила, слезы, кровь, билеты, волосы, отпечатки пальцев, растения, мелкие сувениры и прочее. Все эти предметы выполняют функцию точек опоры для телесной расположенности, создавая некий пустой объем, куда, благодаря универсальности исходных пространственных координат, унаследованных еще от традиционных культурных практик, может встроиться практически любой. Задача схватить, упаковать, зафиксировать опыт собственного тела обладает настолько широкой валентностью, что в результате размываются границы между *схватить* и *создать*. В этом смысле креативность скрапбукера, с одной стороны, создает рукотворенное произведение, а с другой стороны, создает еще и собственную жизнь, размечая приватное, но и, что немало-

важно, универсальное пространство вокруг себя. Едва ли скрапбукера смущает избыточная анкетность создаваемой жизни: родился, влюбился, расстался, встретился — легкость фиксации опыта в коллаже соблазнительна. Она обладает такой же ценностью, как муха в янтаре, это уникальный артефакт, ценимый отнюдь не за поразительную красоту мухи. Следуя по пути наращивания легкости, скрапбукинг внедряется в виртуальное пространство и полностью оцифровывается, что выводит его на границы возможностей handmade-хобби, ставит особняком от других видов ремесленных увлечений, ведь никто не занимается виртуальной вышивкой или цифровым валянием.

Если вернуться к тем пунктам, которые декларируются при продвижении handmade-хобби, то мы, в итоге, можем отметить странную амбивалентность, раскрывающуюся на уровне практик. Любое рукомерное хобби обосновывает свою значимость через указание на древность своего происхождения (даже если генеалогия полностью искусственна, как в случае со скрапбукингом), и таким образом в качестве идеологии явственно читается мотив возвращения к истокам. Но, как мы имели шанс убедиться, именно на уровне практики хобби разительно отличается и от рукоделия в рамках архаического натурального хозяйства, и от ремесла. Так что приобщение к корням — сиречь возврат к невинности неотчужденного состояния — мероприятие крайне сомнительное. Когда ставят акцент на том, что хобби — занятие для души, имеется в виду, что оно должно ускользнуть от логики эквивалентного обмена, отсюда и прелесть любительства, а не профессионализма. Однако сегодня увлеченный любитель довольно быстро начинает выставлять свои поделки на продажу — во-первых, чтобы хоть как-то окупить дорогостоящее пристрастие, а во-вторых, чтобы подтвердить свою успешность как мастера. Конечно, дело здесь не в том, чтобы гнаться за прибылью, просто на автоматизме срабатывает современный принцип проверки значимости: если покупают, значит ценят, и ценят высоко, если берут много и задорого. О, какое это пьянящее ощущение, вдруг почувствовать себя с игровой непринужденностью у истока пусть маленького, но финансового потока! Сколь многих оно привело к тому, чтобы превратить свое хобби в бизнес! Сейчас этот сценарий тотально распространен: помимо работы заводить хобби, постепенно превращающееся во вторую работу, а затем и в первую, после чего в качестве нового хобби увлечься чем-нибудь еще. Как относиться к подобному дрейфу, ведь, с одной стороны, он превращает человека в вечного любителя, не давая ему возможности созреть в качестве профессионала, а с другой стороны, он позволяет постоянно уклоняться от властных отношений? Как воспринимать время жизни, проходящее под девизом «нас нет ни там, ни сям: вся жизнь пребывает в векторах»? То ли это мы номадически дурием систему контроля (прежде всего налогового, но не только), то ли это система дурит нас, превращая все, к чему мы ни прикоснемся, в бизнес-отношения. Не удивительно, что в результате handmade-вещь как упаковка душевного тепла — такой же симулякр, как известный сувенир — ба-

ночка «с воздухом» Санкт-Петербурга или Парижа. Далее предполагается, что хобби вообще, и творческие в частности, помогают избавиться от одиночества, поскольку позволяют найти людей, близких по интересам, и надолго обеспечивают наличие коммуникативного повода. Это с одной стороны. С другой стороны, увлечение довольно часто принимает формы одержимости, похищая «досугового наркомана» у членов семьи, друзей и коллег по работе. Дело здесь, конечно, не в легком медитативном эффекте, сопровождающем мелкую кропотливую работу и потому столь эффективно спасающем от стресса, а в том, что для эскапизма все предлоги хороши. Еще один парадокс: handmade-хобби борется с преизбытком вещей, в конечном счете увеличивая этот преизбыток вплоть до острых проблем с утилизацией. Не правда ли, знакомая картина: дома все завалено материалами для рукоделия и его продуктами; друзья и родственники умоляют больше не дарить им фирменные сюрпризы и только продажа через сайт спасает жертв креативного энтузиазма от полного хаоса. С креативностью тоже все совсем не однозначно. Конечно, искусник-любитель несомненно чувствует себя эдаким домашним демиургом в халате и тапках, а всякая эмоция, как известно, подлинна по определению. С другой стороны, такое творчество, как правило, ограничивается комбинаторикой готовых элементов по готовым же схемам, иными словами, имеет место неизбывное опосредование вдохновения эдаким полуфабрикатом для креации. Оттого-то и возникает неприятное ощущение, что, восставая против роли потребителя, адепт handmade-хобби никогда и не перестает им быть. Будучи пойманным на *потребности* в творческой самореализации, он лишь увеличивает товарооборот, подтверждая истину, что потребительский аппетит приходит во время *активного потребления*. Так что, может быть, и впрямь лучшее, что он в состоянии в этой ситуации сделать, это даровать свое желание социальному пространству, бесконечно усилив его интенсивность через погружение в медиасреду. Опять же, вдохновляясь намерением вернуть телу его активность и доступ к непосредственному контакту с вещами, по факту практика handmade-хобби начинается и заканчивается в сети, и сетевой же активностью сопровождается.

В целом, впечатление может сложиться такое, что либо благие намерения под воздействием какого-то злокозненного поля неуловимым образом меняют свою траекторию, либо у авторов данной статьи засел осколок в глазу и они предаются метафизическому брюзжанию. Разумеется, нет ни малейшего резона искать в каком-нибудь бисероплетении что-то люциферическое. Хайдеггер в свое время очень обстоятельно пояснил и симптомы, и причины нашей утраты способности быть один на один с вещами, возложив ответственность на историю метафизики и европейский нигилизм. Но не хотелось бы заикливаться на логике выветривания подлинности. Дело ведь не в том, что боги от нас отвернулись или мы отвернулись от бытия. Скорее, можно предположить, что наличие или отсутствие сакрального опыта или опыта креативного имеет не онтологический, а перформативный смысл, то есть оказывается эффектом того, в

какие практики мы погружены. Ведь не случайно эксперименты ВВС¹⁴ по созданию реалити-шоу в стиле «ожившей истории», при всей своей симулятивности, а может, и благодаря ей, наглядно показывают, что дисциплинированное согласно одним практикам тело (и социальное, и физическое) попросту не может вписаться в другой прагматический горизонт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть. — М. : Добросвет, 2000.
2. Гуревич, А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М. : Искусство, 1990.
3. Кольцова, М. М. Двигательная активность и развитие функций мозга ребенка, М. : Педагогика, 1973.
4. Гофф, Ж. Ле. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002.
5. Маркс, К. Капитал. Том 4. Часть 3. Теории прибавочной стоимости. Глава 21. URL: http://www.fekm.ru/book_view.jsp?idn=022309&page=240&format=html (дата обращения: 12. 02. 2011).
6. Соколова, Н. Л. Популярная культура Web 2.0: к картографии современного медиаландшафта. — Самара : Изд-во «Самарский университет», 2009.
7. Хайдеггер, М. Время и бытие. — М. : Республика, 1993.
8. Элиаде, М. Аспекты мифа. — М. : Инвест-ППП, СТ-ППП, 1996.

¹⁴ Имеются в виду такие проекты телевидения Великобритании, как «Колониальный дом» (2004), «Усадьба эдвардианской эпохи» (2002) или «Викторианская ферма» (2002), в ходе которых современные обыватели в качестве волонтеров помещаются в бытовые условия минувших эпох.